

Этот день мы приближали,

В дни подготовки к празднованию 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне увидела свет книга московских писателей-фронтовиков «Об огнях-пожарицах, о друзьях-товарищах...», и мы решили рассказать вам на страницах нашей газеты строками нескольких авторов.

«Подвиги солдат и офицеров, партизан и тружеников тыла, спасших Отечество и весь мир от фашистского порабощения, не подлежат забвению», — сказал в своём предисловии к книге председатель Московского городского совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов, дважды Герой Социалистического Труда Владимир Долгих. — Они являются примером для всех после-

военных поколений, поэтому нам важно сохранить и передать молодёжи историческую правду о войне. Над этой задачей постоянно работает Региональная общественная организация писателей — участников Великой Отечественной войны.

Неоценимый вклад создание и становление организации внесли её бывшие руководители, ныне ушедшие из жизни Иван Курчавов, Виктор Иванов, председатель ревизионной комиссии Виктор Хохлов. Ведут многогранную творческую работу председатель РОО писателей — участников Великой Отечественной войны Михаил Бурыкин, члены правления Вера Белова, Михаил Варичев, Игорь Гребцов, Юрий Грибов, писатели Юрий Бонда-

рев, Семён Борзунов, Владимир Бушин, Степан Карнаухов, Борис Петров и многие другие. Только за последние годы выпущены книги с их участием «Живая память», «Солдаты XX века», а сборник «Дорогами Победы», посвящённый 65-летию Победы, удостоен литературной премии Международного союза писательских союзов им. С.Михалкова.

Новый сборник биографических очерков о фронтовых и творческих судьбах «Об огнях-пожарицах, о друзьях-товарищах...» московских писателей-фронтовиков даёт читателям возможность ознакомиться со свидетельствами непосредственных участников тех исторических событий. Авторы описывают только то, что видели

поддержке администрации ряда областей помогает в организации памятных мероприятий боевой славы по местам исторических сражений Великой Отечественной войны. Продолжается кропотливая работа по увековечению подвига партизан, присвоение населённым пунктам почётных званий «Село партизанской славы», «Посёлок партизанской славы». При содействии местных властей оказывается разнообразная поддержка ветеранам и вдовам Великой Отечественной войны».

Итак, представляем вниманию читателей несколько страниц из новой книги писателей-фронтовиков «Об огнях-пожарицах, о друзьях-товарищах...»

Писательская организация при

Юрий БОНДАРЕВ

Летом 1942 года Юрий Бондарев был направлен на учёбу во 2-е Бердичевское пехотное училище. В октябре курсанты были переброшены под Сталинград. Бондарева назначили командиром минометного расчёта 308-го стрелкового полка 98-й стрелковой дивизии. В боях под Котельниковым он был контужен и легко ранен. Второе ранение получил в боях за Житомир. После войны Юрий Бондарев окончил Литинский институт им. А.М. Горького. Его первые произведения принадлежат романы «Тишина», «Горячий снег», «Берег», «Выбор», «Бердичевский треугольник», повести «Батальоны просят огня», «Последние залпы» и другие. Он — автор цикла миниатюр «Мгновения». Юрий Бондарев — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, двух Государственных премий СССР, а также Государственной премии РСФСР. Награждён орденами и медалями. По его произведениям сняты художественные фильмы. ОГЛ не раз публиковала миниатюры из цикла «Мгновения».

В аккуратном чистеньком номере мюнхенской гостиницы мне не спалось. Синеватый сумрак декабрьской ночи просачивался сквозь густо залеженное снегом окно, вкрадчиво-древично пошёлкивало в тишине электрическое отопление, а мне казалось что-то чудовищным, невероятным, что я находился в немецком, страшном своей славой городе, откуда началось всё: война, концлагеря, газовые камеры.

Я вдруг отчаянно вспомнил утренний разговор с мюнхенским издателем, включил настольный свет и начал проматывать газеты. И мне бросился в глаза крупный заголовок «Сталинград», а под ним несколько фотографий: суворовцев сопредседочностью на лицах немецких солдат за пулемётом в развалинах города, танковая атака в снежной степи, высокий, молодцеватый автоматчик, расставив ноги в сапогах-раструбах, хозяином стоит на берегу Волги.

В статье выделялись давно знакомые имена и названия: Паулюс, Манштейн, Гитлер, группа армий «Дон», 6-я полевая армия. И лишь тогда я понял, почему издатель попросил меня просмотреть газету.

Утром, узнав, что я интересуюсь материалами Второй мировой войны, издатель развернул передо мной газету и сказал: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном. Да, он жив, ему восемьдесят лет... Но, думаю, что он побоится разговора с вами. Солдатские газеты много пишут о нём в хвалебном тоне. Называют его стратегом и даже не побеждённым на поле боя. Задайте ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял, что он — участник преступления. А впрочем, сейчас...».

Издатель довольно решительно подошёл к телефону и через справочную узнал номер фельдмаршала. Я хорошо слышал последовавший разговор. Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господин фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занятый изучением материалов Второй мировой войны, в том числе, конечно, и Сталинградской операции.

Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Став-

линграде? — и опять после пауз, с пунктуальностью военного: — Какие именно изучает он вопросы?». Затем, после осторожного молчания: «Пусть изложит письменно вопросы!». Затем, после длительной паузы: «Я всё сказал в своей книге "Потерянные победы"!». О себе и о Паулюсе. И наконец: «Нет, я никак не могу встретиться, я простижен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую».

«Я так и думал, — сказал издатель, положив трубку. — У этих вояк всегда болит горло, когда надо сердечно отвечать». В сущности, я не очень хотел этой встречи с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, ибо испытывал к нему то же, что испытывал 25 лет назад, когда стрелял по его танкам в незабытые дни 1942 года.

Но я понимал, почему фельдмаршал это, «на побеждённый на поле боя», отоспал вопросов о Сталинградской операции...

Нет, я никогда не забуду те жестокие холода под Сталинградом: всё сверкало, всё скрипело, всё металлически звенело от мороза: снег под валенками, под колёсами орудий, толсто занедевшие ремни и портупеи на шинелях. Наша лица в обмёрзших подшлемниках покернули от сухих метеоров, от ледяных ветров, беспрестанно дувших по стели. Мы своим дыханием пытались согреть примерзшие к оружию руки, но это не помогало. Потом мы учились согревать руки о горячие стрелочные гильзы. Мы стреляли по танкам и согревались в бою, и хотели боя, потому что лежать в снегу в мелком выдолбленном окопе возле прокалённого холода орудия было невыносимо. Но в это же время морозные дни мы ощущали в себе нечто новое, чего не было в первый год войны.

Шёл декабрь второго года войны. Двухсоттысячная 6-я армия фельдмаршала Паулюса была ската в тесном кольце трёх наших фронтами вокруг превращённого в развалины Сталинграда. Колыко это сдавливалось, tutto сужалось, но армия Паулюса сопротивлялась с губительной энергией. Она ещё держалась в развалинах города. Она ещё была на берегах Волги. А мы уже ощущали знаки победы в горящих танках, вочных пожарах за немецкой пере-

довой, даже в гудении транспортных «юнкерсов», сбрасывавших контейнеры с боеприпасами и продовольствием в тишинах 6-й армии.

Наша пехота в звёздные декабряськие ночи короткого затишья чувствовала в студёном воздухе запах пепла. И это тоже был запах ожидаемой победы — в немецких штабах жгли бумаги, бросали в печи корпусы и дивизионные печати, наградные листы, копии донесений, плавились в огне железнные и рыцарские кресты, которые потеряли свою ценность.

Иногда мы слышали крики, одиночные выстрелы в близких окопах — это свершился суд над обезумевшими от боёв солдатами, пытающимися бежать куда-то из смертельного «котла».

Никто из нас в те дни не видел немецких медпунктов, пропахших гниющими бинтами и потом, трёхъярусными нара, забитых обмороженными и ранеными. Никто из нас, кроме разведчиков, не видел окоченевших трупов немцев на дорогах в окружении каменных от морозов трупов лошадей, искромсаных финиками голодных солдат 6-й армии.

Тогда мы не знали всего этого. Но если бы и знали, то не испытывали бы жалости. Мы стискивали кольцо с одним желанием уничтожения. Это было справедливо, как возвездие.

Жестокость врага рождала ненависть, и она неистребимо жила в нас, как память о сорок первом году, о Смоленске, о Москве, о том надменном воинственном веселье викингов Третьего рейха, когда они подводили к Сталинграду в дыму непрерывных бомбёжек, в поднятых танками завесах пыли, с пилотками на ремнях, с засученными по локоть рукавами на загорелых руках — завоеватели, дошедшие до Волги, с наслаждением после боя пивши русское молоко в захваченных станицах, в двух тысячах километрах от Берлина.

В лицующей Германии звучали фанфары. Гремели марши по радио. Впервые в истории немецкой солдат ветераны покернули своей плоской алюминиевой кружкой волыскую воду и с чувством победителя плескал её на потную щечу. Немецкие танки, войдя в прорыв наше, прошли за лето солнышко и пот, ворвались в Сталинград, на его улицы. Эти танки были накалены рус-

ским солнцем, русская пыль толстым слоем покрывала крупновескую броню. И этот горячий запах русской пыли, запах выжженных приволжских степей сильнее пороцидного рома опьянял солдат и наркотически опьянял Берлин, на весь мир шумевший победными речами. В рейхсказанцелярии ежедневно устраивались роскошные приемы, на которых высшие чины рейха и генералы с самоуверенными выбритыми лицами, вспыхнутое сверка орденами на парадных мундирах, жали друг другу руки между глотками шампанского, а женщины, обольстительно ульбаясь, блестали драгоценностями, награбленными в павши Европе и на завоёванных территориях «жизненного пространства».

Весь мир затаил дыхание: казалось, ещё шаг немецкой армии — и Россия падёт. В те же опьяневшие близкайшей победой месяцы хромающий, сухой человек в сильных надбровными дугами — рейхсминистр Геббельс, — как бы забыв о великих идеалах немецкого народа, о которых он так наигрывался, настолько страшно любил говорить, уже неестественно заявил на весь мир, что цель войны — «набить себе брюхо», всё дело в нефти, пищенице, угле, руде.

В те месяцы молниеносно повышались генеральские и офицерские звания, «герои летнего наступления», «беспримерным воинам», танкисты и лётчики вручались рыцарские и железные кресты. В перевозбуждённом Берлине ждали день падения Сталинграда, мнилось: победоносная армия сразу же начнёт наступление на берегах Волги.

И быстрое окружение 6-й армии Паулюса в почти захваченном, казалось бы, почти завоёванном Сталинграде представилось сначала в Берлине невозможностью, мифом, результатом ошеломляющей таинственности, неожиданно возникшего русского военного потенциала и тайной славянского характера.

Но это не было ни мифом, ни таинственностью. До предела сжатая пружина стала разжиматься с неудержимой разрушительной силой. Война вошла в новую свою fazu.

Проклиная дни отступлений, мы тогда, конечно, не могли со всей очевидностью предполагать, что наше успеш-

ное наступление в ноябре, в декабре, наши атаки, удары бронебойных снарядов по танкам в окружённой группировке — всё это было началом конца этого многокровной войны, битвой в глубине России на уничтожение.

Но мы чувствовали нечто новое, долго ожидаемое, наконец с ощущением собственной силы начатое, — и, видимо, ощущение это было предзнаменование Победы. А впереди ещё были неисчислимые километры наступления, бои, потери, и мы трезво представляли этот тяжелейший путь сражений в сталинградских стенах.

Окружённая группировка Паулюса получила одну за другой радиограммы Гитлера с приказом держаться до последнего солдата. Он, Гитлер, понимал, что потерять Сталинград — значит потерять инициативу, навсегда уйти с берегов Волги, то есть из самых глубин России. Он обещал интенсивное сражение с воздуха и мощную помочь четырьмя танковыми дивизиями из района Котельникова.

И в декабре командующий группой армий «Дон», фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил приказ начать операцию деблокирования, прорыва с юга на окружённых войскам. Эта операция могла решить многое, если не всё.

Только позже я понял, что весь исход битвы на Волге, вся каннибалическая операция трёх наших фронтов, может быть, даже сроки окончания всей войны во многом зависели от успеха или неуспеха начатого в декабре Манштейном деблокирования. Танковые дивизии были сорваны, хотя в то же время из окружения вывились «имеющие ценность специалисты», необходимые для продолжения войны. Остальные обрекали на гибель. Армия была как бы списана.

Утром 31 января пришла последняя радиограмма из ставки Гитлера с пышным текстом о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршал. Это было скрытое приглашение к самоубийству. Паулюс всё понял, но нашёл другой выход — плен.

В этот же день была отправлена Гитлеру радиограмма чрезвычайно короткого содержания: «У дверей русской...».

Наш генерал с переводчиком стояли у двери штаба в подвалах разбитого униформата.

Так закончилась эта невиданная в истории войн битва. Это поражение целой немецкой армии было символическим могильным крестом, замаячившим над ореолом непобедимости фашистской Германии.

...Вот почему у фельдмаршала забыло горло, когда издатель позвонил ему по телефону и заговорил о Сталинграде и русском писателе.

Тётка

Игорь ГРЕБЦОВ

В Красную армию он записался добровольцем в 1941-м. И, не завершив учёбу в военном училище связи, летом 1942 года был направлен на фронт, получив звание младшего сержанта и должность командира отделения в 252-й стрелковой дивизии. Участник Сталинградской, Кирской, Днепровской, Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишинёвской операций, боёв в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Дважды ранен и контужен. С начала 1944 года был переведён в редакцию газеты «Боевая красноармейская» на должность корреспондента. Награждён орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За оборону Сталинграда» и многими другими. Автор 12 книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных и журналистских премий. Заместитель председателя РОО писателей — участников Великой Отечественной войны

Было это в последний декабрьский день сорок второго года, ознаменованный окружением и началом разгрома немецких войск под Сталинградом. Наша 252-я стрелковая дивизия, после тяжёлых обороноспособных боёв в районе Гречёвки вошла в 21-ю армию и освободившись к этому времени добрый десяток населённых пунктов, в том числе и хутор Вертичий, только что завершила ожесточённые бои в районе Пяти курганов. Во всех подразделени

ях состоялись торжественные построения и была зачитана телефонограмма о вынесении всем нам благодарности от Военного совета 21-й армии.

Дивизия после успешных боёв была на несколько дней выведена во второй эшелон. В этот последний день уходящего года я, как и многие мои однополчане, впервые за время наступательных боёв помылся в накоротко сооружённой баньке, сменил бельё. Также впервые со своим небольшим отделением,</p